СЕРГЕЙ АРЦИБАШЕВ:

Культура. – 2004 – 16-22 сент. – с. 8

Наш зритель – интеллигент, но не сноб

Нынешний сезон Московского академического театра им. Вл.Маяковского – третий для Сергея АРЦИБАШЕВА в роли художественного руководителя. Сменив на этом посту ушедшего из жизни Андрея Гончарова, режиссер не оставил, тем не менее, созданного им Театра на Покровке и продолжает руководить двумя коллективами. Однако естественно, что главные усилия Арцибашева прикладываются ныне к большому академическому театру, а не к камерной сцене. И критический прицел к режиссеру имеет теперь иную оптику, и спрос идет по другому счету. Прошедшие сезоны Театра им. Вл.Маяковского дали, скорее, количественные, нежели качественные показатели. Задействованы все три сцены, почти все артисты труппы. Залы полны, и аншлаги обеспечены. При этом очевиден курс на кассовые, развлекательно-коммерческие пьесы. Арцибашевская "Женитьба" Гоголя, которой открылась эпоха его правления, – шаг, апробированный заранее, так как его же знаменитый одноименный спектакль на Покровке в известной мере стал основой нынешней версии. Из серьезных предприятий можно назвать "Карамазовых", хоть и оцененных критикой весьма неоднозначно, но, безусловно, ставших знаком творческого риска.

С.Арцибашев

– Важно понимать, – говорит Сергей Арцибашев, – что я принял театр, который остался без лидера. Андрей Александрович Гончаров в последние годы был болен. Театр терял программное направление. Артисты (а в труппе полным-полно звезд) разбегались на сторонние заработки. Сейчас почти везде так – антреприза, приглашение в другой театр на роль, телевидение… Здесь я, естественно, застал ту же картину. Но актеры к тому же теряли чувство общего дома. И я понял, что первая моя задача – вернуть артистов на эту сцену. Чтобы все опять собрались вместе, почувствовали родство, ощутили, что они у себя дома, где может быть интересно и перспективно. "Женитьба" на первом этапе выполнила эту задачу, собрала ведущих: Лазарева, Немоляеву, Кашинцева, Охлупина, Костолевского, Филиппова, Симонову…

Дальше надо было подтягивать менее звездных и востребованных. Понять их потенциал – не только мне, а в первую очередь им самим. Я-то хотел дать им работу. Но хотели ли этого они сами? Сохранили ли рабочую форму? Одну из сцен – Малую – мы отдали молодежным пробам. А на Большой сцене я сознательно отбирал пьесы, скажем так, развлекательного характера. Хотя "Банкет" Н.Саймона или "Развод по-женски" Клер Бут Люс жалко называть этим малоуважаемым у нас словом. В пьесах есть и свой нерв, и своя острота взгляда. Ну… да, конечно, пьесы коммерческие. Но в "Разводе" играют двадцать женщин разных поколений. И художник – женщина. Один я, режиссер, разбавил эту дамскую компанию. Так вот, все двадцать работают с удовольствием. Они заработали свой успех, поняли, что могут это сделать.

– Все, что вы сказали, выдает заботы руководителя. То есть режиссер Арцибашев пришел в сильную, но немного растерявшуюся труппу и начал восстанавливать нормальное самоощущение артистов. А где же самоощущение режиссера Арцибашева? Я, собственно, – о том, что ваше имя смолоду, еще со спектакля "Надежды маленький оркестрик" на Таганке, ассоциировалось с самобытной режиссерской волей, с жестким собственным почерком. Покровку вы сделали в свое время одним из самых интересных театров Москвы. А здесь, получается, – одно лишь принесение себя в жертву руководящим задачам? Где же амбиции самого режиссера-постановщика?

– Знаете, а вы, пожалуй, в чем-то правы. Амбиции есть, конечно. Но сразу такие вещи не делаются. Я и на Покровке года два готовил артистов к тому театру, который хотел делать. Но там не было ни такого актерского опыта, ни таких претензий, ни такой известности. Об колено ломать? Не хочу. Не надо мне революций. Я эволюционер. Но, повторяю, где-то вы правы. На первом этапе я как постановщик чуть-чуть подвинулся в сторонку. Хотя, думаю, артисты здесь уже понимают, что за моими сегодняшними действиями есть что-то еще. То, что мне интересно, они должны прочувствовать не на словах, а каким-то более сенсорным, что ли, способом.

В идеале я вижу в этом театре мощную и серьезную классику. Ведь "Карамазовы" – очень рискованная затея. Они стали точкой отсчета: могут актеры или не могут поднять такой романный объем. Подобной попытки ведь здесь не было.

– Был у Гончарова спектакль "Жизнь Клима Самгина".

– Да, конечно. Но Достоевский, согласитесь, неподъемная махина.

Артисты побаивались. А потом, как мне кажется, взяли этот объем с честью.

– В этом сезоне вы будете ставить "Мертвые души". Что это за инсценировка?

– Инсценировка Малягина. Посвященная центральной фигуре – Чичикову, его эволюции. Взяты оба тома романа и прослежена амплитуда чичиковских колебаний. Гоголь все же хотел вывести его в положительные герои. Во втором томе появляется некто Муразов, который верит в его энергию и ум, пытается вывести его на положительную деятельность.

– На честный бизнес?

– Ну да. У Чичикова была перспектива из прохиндея вырасти в серьезную личность. Не получилось. У Гоголя не получилось. Может быть, оттого, что увиденное им вокруг решительно не совпадало с идеалом, а последний не проходил у него по совести.

– Значит, не бизнес плох, а его метаморфозы в родном Отечестве? Вполне современная постановка вопроса.

– Естественно. Попытка жить по-другому натолкнулась на мощные силы.

– Кто сыграет Чичикова?

– Филиппов.

– Судя по планам этого сезона, отношения Театра Маяковского с молодой режиссурой пока не складываются. Почему?

– К сожалению, я так занят, что вижу очень мало спектаклей. Но то, что вижу, не убеждает. Слишком много самовыражения. Сам это люблю, но все же всегда привык слушать автора.

– Новые пьесы у вас тоже не в чести? Кстати, они по-прежнему мало востребованы театрами и даже теми же молодыми режиссерами. В чем тут дело?

– Во-первых, на классике легче высказаться. Там изначально есть смысл. А если еще что-нибудь поломать, перевернуть, то будет скандал и шум. Это заманчиво.

– А мне казалось, с современной пьесой прозвучать проще. В классике до тебя уже высказались десятки режиссеров, в том числе великих. И тебе непременно надо сказать что-то свое, а своего может и не быть. Зато современная пьеса звучит первый раз, и говори в ней что хочешь.

– Глобальности в ней нет. Той мистической материи, которая говорит без твоих усилий, сама за себя. А если еще подбавить пару кульбитов, то скажут: о-го-го! В новой же пьесе могут и не заметить твоего "новаторства", подумают: вдруг автор так и написал? Ведь не читал же никто!

– Когда-то ваш "Оркестрик" по Володину, Петрушевской и Злотникову звучал откровением.

– Там за словами много чего таилось: и одиночество, и нежность, и неприкаянность. А в сегодняшних текстах, по-моему, потерялись обыкновенные люди с их проблемами. Дурацкий же вопрос: "Чем удивлять будем?" – человеком, вот чем, вернее – кем.

– Это правильно. Но без "человеков" пьес все же пока не пишут. И без его каких-никаких проблем не обходятся. Может быть, дело в том, что роль самого театра, его вес в обществе сильно уменьшились?

– Не то слово! У нас прижилось словечко "выживать". А хочется все же не выживать, а оставаться кафедрой, что долгое время было присуще русскому театру. Впрочем, это, наверное, почти невозможно. Но мне не верится, что наши залы полны людьми, желающими только развлечься. Все же их привлекают живые истории и живые люди.

– А какой зритель ходит в Театр Маяковского? Все же у многих крупных московских театров есть свои выражения зрительских лиц. У вас оно какое?

– Мне оно нравится. Думаю, наш зритель подвижный, человечный, любит ярко выраженные страсти. По большей части интеллигентный, но не сноб. Даже самый имущий слой, и тот "делегирует" к нам людей не примитивных. Сужу по "Карамазовым", где развлечься трудно, однако никто в антракте не уходит.

– А играть на сцене этого театра вы не хотите?

– Кто знает? Пока что я – заложник обязанностей худрука. Но какие-то внутренние "прыжки" в сторону актерства уже делаю.

– А каковы успехи вашего сына, пианиста Сергея Арцибашева?

– Сережа учится на третьем курсе Московской консерватории у профессора Наумова. Уже начинает концертировать. К программам относится с максимальной ответственностью, берет самые трудные произведения. Мне это нравится, хотя и тревожно, потому что это занятие отнимает у него все время и все душевные силы. Впрочем, по-другому хорошо в искусстве и не бывает.

– На недавнем сборе труппы МХТ им. А.П.Чехова Олег Табаков сказал, что все походы его актеров "на сторону" будут отныне материально компенсироваться этими сторонами. То есть, если вы, к примеру, взяли в свой спектакль мхатовскую артистку, Театр Маяковского будет платить МХТ деньги за ущерб, нанесенный графику его работы. Как вам такие условия?

– Отлично! Пусть платят нам за нашу Ольгу Яковлеву! Нет, серьезно – ущерб от актерской беготни очень большой. Остановить этот процесс невозможно – люди должны и зарабатывать, и реализовывать себя. Так пусть хоть какое-то утешение стационарам будет, хоть материальное. Не знаю, как оно будет документально оформлено, но я – за!

Беседу вела
Наталия КАМИНСКАЯ
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ